

18+

Анатолий Корниенко

Небесные качели

Избранные стихи

Анатолий Корниенко

**Небесные качели.
Избранные стихи**

«Издательские решения»

Корниенко А.

Небесные качели. Избранные стихи / А. Корниенко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-643173-7

В этой книге автор предлагает читателю эксклюзивное путешествие по специально избранным стихам, написанным за 15 лет в особенном метафорически-философском стиле. На небесных качелях вы проникните через занавес отчуждения в мир Оного, будете ползти крабом у моря или пить виноградное сплошное счастье, где барашки морские шепчут стихи о тёмном квадрате, где пляшут в небе коровы и блин солнца греется на сковороде. Там растёт цветок бессмертия и звучит песня о красоте чувств. Решайтесь, читатель!

ISBN 978-5-00-643173-7

© Корниенко А.
© Издательские решения

Содержание

На пяльцах горизонта	6
У древних стоиков читаем	7
Глаз неба слезится	8
Кровавый сок созревшего граната	9
Древнее таинство	10
Подсолнечно	11
Как вспомнить	12
«Упала домиком тетрадь...»	13
«одиночество ...»	14
Мёртвая и живая вода	15
от Крылова до Басё	18
Полёт	19
Солнце-бумеранг	20
На пяльцах горизонта неба нет	21
Холодная звезда	22
Проходя мимо	23
Занавес	24
Мир Оного	25
Лист Цурэна	27
Любовь	28
«...и для меня...»	29
Венеция	30
В букваре найдём хорей	31
Барашки морские	32
Тёмный квадрат	33
Хочу в Италию	33
Абсанс от абсента	34
Темный квадрат окна	35
«круглым животом...»	36
Отпечаток тех мыслей	37
Сердце в руке	38
«он погрузился ...»	39
там-там	40
Вжимаюсь внутрь зовущей вновь	41
Ветер и шаровая молния	42
Солнце – блин	43
«Упало яблочко...»	44
Коктейль ночи	45
Сад не растёт без рук	45
«Вон за той полоской белой...»	46
Пять лепестков счастья	47
пять лепестков счастья	47
Это просто, видит Бог	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Небесные качели Избранные стихи Анатолий Корниенко

*Посвящаю, мама, Вам в день Вашего рождения 29 июля. Люблю,
помню*

© Анатолий Корниенко, 2024

ISBN 978-5-0064-3173-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На пальцах горизонта

Сосуд надежд был снова
пустым наполовину,
но вы мне возразите —
наполовину полным,
и будете неправы.
Ко сну клонились травы,
и листья светотенью
эскиз души растерянной
меняли каждый миг.

А небо становилось
каким-то не реальным,
и так невыразимо
летели мысли, таяли,
и проносились вёсны
стихами не серьёзными,
и распускались розы,
написанные прозой
из лета моего.

Какой-то ангел в белом
там по лазури мелом
нарисовал овал
и выводил слова.
Как вязью он словами
заполнил кружевами
все неба острова,
по памяти он, видимо,
стихи мои писал.

Но мне, что удивительно,
всё так казалось ясно,
какой-то сладкой страстью,
какой-то чёткой нитью,
но словно по наитию,
по непонятным буквам
я прочитал: мне будут
«небесными качелями»,
о боже, неужели,
стихи, мои стихи...
2008

У древних стойков читаем

У древних стойков читаем:
«Раз не ветвится мысль, расти
ей не дано».
И не случайно
яд целеустремлённости
не раз доверчивую душу
мою ласкал – иди, пойми!
Что это – бог
шептал мне в уши,
а может – смертный меж людьми?
Опять я мыслю, значит – дома,
а впрочем кажется... в гостях,
но почему
мне так знакомы
и жажда жить, и смерти страх,
и поцелуй твой на губах...
2009

Глаз неба слезится

Набрякшие веки
Сомкнули ресницы
И солнца зрачок
Застилает слеза.

Глаз неба слезится.
В нём целые реки
Целебным потоком-
Святая вода.

Помашут ресницы
Своим опахалом,
И высохнут слёзы,
И станет светло.

Зачем, небо милое,
Ты не устало
Всё делать всерьёз
Тебе не тяжело?
2008

Кровавый сок созревшего граната

Кровавый сок созревшего граната
Стекал с зари.
Я улетаю – проделать путь возврата,
Всё повторить.
Душа, собрав весь мёд земли цветочный,
Пчелой жужжа,
Несла меня туда, где знала точно,
Уже была.
Стать каплей меда в сотах у вселенной
Любви легко.
В янтарном небе красным следом тени
Так далеко.
Я обернулся – сердца след! Утраты
Оно хранит.
Что это было там? Моим закатом,
Рождением ли?...
2008

Древнее таинство

Клонится время к закату уставшее снова.
Синего неба окно занавешено тенью.
Падают, падают звёзды, теряя основу.
К полночи люди в свои собираются кельи.
Плачет Земля перед родами новыми молча,
Белой укрыла простынкой округлости тела.
Схватками время врываясь, торопится очень
Чтоб к ритуальному сроку родная успела.
Вырвался новый младенец из звёздного плена
И ликованием наполнилось сердце земное.
Радостью этой людское проникнулось племя,
Древнего таинства счёт своей жизни усвоя.
2008

Подсолнечно

Взявшись за руки, по ступенькам на небо:
денёчки считать подсолнечные.
А из акациевых листочков нега
поднимается как-то почти буднично.
Радость! – весна и осень
пришли к нам в гости.

Как вспомнить

На глиняном небе трава...
Храни меня, голое семя!
В глазницах ростки-острова
под плёнкой проклюнулись – время!
А солнце другой стороной —
обратной, совсем не заметно.
А память пробита стрелой
насквозь, но оставлена метка —
рубец под названием жизнь.
Как вспомнить той боли касанье?
Не мучай же память – скажи!
Навязчиво, криком Кассандры
летит она в то забытьё,
пронзительно изображая
какой-то не нужный объём.
А тени-слова только... жалят.
2010

«Упала домиком тетрадь...»

Упала домиком тетрадь
в рубины углей.
Поэт трудился до утра,
но кто-то умный
внутри него сказал: «бросай,
не будет толку
от мук твоих, не чудеса —
слова и только».
Тогда он уронил её
как бы случайно,
решил: забуду – всё продёт.
И моментально,
вонзились красные клыки
и сразу взвилась
змея огня – читать стихи —
не приходилось!
И так красив был этот миг,
И озарила
тогда тетрадь поэта лик,
в нём что-то было
другое. Не горят слова,
не правда это.
Он знал – тетрадь его жива.
Он стал поэтом.

«ОДИНОЧЕСТВО ...»

одинокчество —
высшая форма для тех,
кто был в фаворе.
лилипутный дождь,
сахарное дерево
в нас скорей полей!
и в награду всем за дрожь
от Гулливера
будет одинокчество —
высшая вера.
бальзамами душ
грузики сердец слепим,
чтобы не слепли.
будем все вместе,
выпьем по капелькам суть
с маски улыбки.
одинокчество спасут
великих лики.
будь одиноким, если
и ты великий!

Мёртвая и живая вода

1.

Чёрный провал истлевающих глаз моих,
Сырость там, мрак, слизь.
Падаю в пропасть, проклятого ада их
Вечную ночь грызть.

Синие, белые, красные полосы —
Чертят ножом в кровь.
В клочья разорваны мысли и волосы —
Хватит мясник-любовь!

Ветер накрой меня,
Ночь удали из дня...
Как удивительна
Та красота твоя —
Линии нежные
Профиля хрупкого,
Пальцы прозрачные
С синими жилками
Требуют губ моих,
Трепетно пыльные
Губы те сладкие...
Мысли уплыли все
Белыми утками.

Я наклоняюсь и вижу там образ твой
Радостью вглубь вобрав.
Я опускаюсь, всё глубже тяну с собой
Нервы своих глаз.

Как дно морское на дне глазном – сумерки,
Реки текут слез.
Чёрный колодец, студёные судороги
Прежних моих грёз.

Я заклинаю вас,
Я умоляю вас,
Режьте, убейте,
Давите, забейте!
Что же вы смотрите?
Знаю же, видите —
Вы ненавидите,
Вы всё запомните.
Злостью, обидою
Выброшу сразу я,

Жёлчью забрызганный
Мозга обрубок мой
Тела безглазого...

Мысль растекается мозгом расплавленным,
Ей не собрать слов.
Слово, где было губами расправлено
Там запеклась кровь.

Миг отрезвления холодом врезанный
В рамку земных мук.
В ране презрения – радость прозрения —
В сердце моём – стук...

2.

Ноги корнями траву проросли уже
В мягкий дерновый пух.
Тело вытягивается из земли
Взмахами новых рук.

Сердце, зачем ты мне?
Сок во мне, а не кровь.
Радостно он течёт
В корни и листья все,
Солнцем чтоб жить одним —
Радостью истиной.

Мысли молчат под карою шершавою
В трещинах мозг застыл...
Делает вновь мне причёску кудрявую
Солнечный хлорофилл.

Видишь, любимая —
Куст я уже большой
Ну, оборви с меня
Белыми ручками,
С пальцами длинными,
Все цветы лучшие.

Синие, белые, красные полосы:
Радуга радует взгляд.
Ветер и дождь шевелят мои волосы
И лепестков прядь.

Глазкам сиреневым —
Тысячам маленьким,
На дно закапано

Слёзками-росами,
Словно живой водой.
Взгляд, видишь, ожил их?
Здравствуй хорошая!

2008

от Крылова до Басё

попрыгун стрекоз
под листом крыловым рос
был там стол и дом
а банан басё
издавал от ветра стон
сразу полным ртом
вот и видно кто и где
босиком скакал
наследили ноги те
сразу на века

Полёт

Там в степи одинокий стоял карагач,
спину сгорбив, от ветра скрипел он.
А дорога у ног его змейкой вилась,
пыль летела на старое тело.

Как хотелось ему стать свободным орлом
и, усилие сделав такое,
он, когтями за землю вцепившись, крыло приподнял и одно,
и другое.

И коряжистых веток расправив размах,
ощутил он блаженство полёта,
часть из них по неопытности поломав, не заметил – какая забота.

Он взлетел, как хотел и парил, как сумел,
хоть и не оторвался корнями.
А мы думали: как же орёл этот смел,
хоть и стар... Пыль клубилась за нами...

Солнце-бумеранг

Ссутулился вечер, блеснула луна
Потерянным пятаком.
А солнца чуть только спина видна —
Ушло оно за кордон.

Сжимается в сумерках тесный мирок,
А солнце как бумеранг
Под музыку ночи – тяжёлый рок
Летит туда грабить банк.

А утром должно возвратится назад.
Все знают его и ждут.
Всё золото света – немыслимый клад
Подарит, как Робин гуд.

Но вновь бумеранг улетел – есть закон:
Не нужно жадничать так.
И с ним всё богатство ушло за кордон,
Остался луны пятак.
2009

На пяльцах горизонта неба нет

На пяльцах горизонта неба нет.
Как сито белая канва нависла крышей,
и осыпаются из вышивки застывшей
колючие ледышки-лепестки.
А солнца след
замёрзшей сердцевиной —
чуть виден издали.
Покрыты снега чешуёй и ленью люди.
На площадях – заледенелых блюдах
собрались коченеть,
как в холодильнике линии.
Ждут манны. Сыплет сверху дирижабль
с рефрижератора (чтобы была свежее)
мол, нате вам того, что нам не жаль:
с остывшего вулкана – извержение.
2009

Холодная звезда

Холодная звезда,
Ты умерла, но свет несёшь в пространстве.
Теперь со мной всегда
Осколком льда по новой жизни странствуй.
Ты выпила до дна
Душевных мук родник и сердца радость.
В груди печаль одна,
Но там за дверью сердца тоже рай есть.

Сомненье грудь саднит,
Страх коготь внутрь вонзает,
А чёрной ночи червь
Решётку рёбер грызть
Пытается. Но нить
Сознания не знает,
Что спрятана за дверь
Твоя вторая жизнь.

Немыслимо чиста,
Не удивляй, но радуй постоянством.
Всё склеили года
В увядающем потоке странствий.
Стара ли молода,
Разорван лист, где было жизни имя,
С начала до конца.
Там в центре ты она неповторима.

На лёгких струнах струй
Сплетай сонеты слова.
Дождя неожиданно дай
Над головами дынь.
Душа, на воду дуй —
По рёбрам градом снова
Пробьёт огонь – пускай,
А не придёт – остынь..
2009

Проходя мимо

Там старое кресло: потёртая кожа
в том месте, где локоть был левой руки,
а вешалки ножка застряла в прихожей —
не может в гостиную дальше пройти.
На ней висит зонтик. Раскрытой душою
он раньше был, но поломалось ребро.
Нет двери. В проёме под аркой большой,
где аура люстры – блестит серебром,
так здорово вытканый круг паутины,
и ветер как в сеть ловит солнечный свет...
О чём это я, проходя, вспомнил... мимо
того, чего больше в помине уж нет.
2009

Занавес

Занавес – это слепого молчания крик!
Дышит обрывками фраз
в полумерном пространстве.
А для тебя, как картинка – иди и смотри!
Или удобный для передвижения транспорт?
Что тебе занавес? Счастья порвалась струна —
звонкая раньше, потом —
только с болью, с надрывом...
Прожитый вместе до дыр
мир – невинность моя.
А для тебя всплеск немилости
ядерным взрывом.
Что тебе занавес, ты так изысканно груб —
Я на позорном столбе, вся распятая все.
Алчущих этих моих не растраченных губ
Ты не коснешься своим... невниманьем. Уйду я.
Там в зазеркалье, где занавес сброшен, и наг
Так человек, что прозрачен
насквозь в искушение,
Я подниму твое сердце – истрёпанный флаг,
Если захочешь опять ты в моё измеренье...

2008

Мир Оного

Елене Мироновой

Сразу погрузился, как серебряный лучик в «кудрявый облак» тайны под названием «Мир Оного».

«Белопенная медсестрица» меня простирала, а вороны чёрный и белый повесили сохнуть на серебряный крючок к звёздному ковшу. И оттуда я оглянулся на весь этот мир.

И вижу, как из под ребра моря выпрыгивают крабы-рыбаки и бочком сбегаются по песку к моему лицу. А я лежу (недавно лежал) у самой воды без всякой (ле) беды и не помню, что стар лицом... и меня зовут есть морского окуня, запечённого в фольге-кафтани и пить виноградное крошечное счастье. Закат уже вспорот и красный гранатовый сок как слоистый пирог распластан над океаном неизвестности, лежащим с распахнутым горлом у моего прищипленного к сетчатке вечности глаза.

И прилипшие к губам остатки дня стекают насквозь, как через решето. Я беру свою кистепёрую златокудрую колибри. Темнеет, мы идём по суженой тропке в горницу-горлицу. Тук-тук. Иди ко мне! Командует мне командир моего танка из круглой щетины леса и я иду, как застрывший крик, как звук, лишенный веса.

Пытаюсь дотянуться до дна ночи рукой. Она прилетела из зимы, наклевавшись безвкусного драже звёзд. А её крыло, отяжелевшее от засеянного в чернозём пол мира, свесилось с края стола. Мы пьём терпкую музыку, пока двор и улицы не обмелеют. Я вколочен в воздух, тело обвисло на гвозде и сливается с гвоздём, как вода в блюде с перегоревшей тьмой. Я дышу небом, хочу продышать его до самого края-рая.

Себя самого перехожу: как поле, холод, ветер, кадык отчизны, сгнившие кости Офелии, ил ракушек, блох бедного Йорика и спускаюсь на парашюте альцгеймеровых мозгов в дурную башку безумия.

И вижу маму в новом платье. И плачу, как яблоки во сне обрывающие нити и подающие на спину через пустые рукава сада в промёрзшую глухонемую глину. Мама!

Вода вколачивает мысли-гвозди в дёрн сходящего с ума. Расчёсывает время гребешком смерти. Мелькает лето жизни. Стрекоза- смерть катает во рту солнце-карамель.

Ливень лезет в мой сон, свешиваясь с карниза, сбрасывает кожу, шарит по карманам медь и когда подступает к горлу, пахнет йодом и карболкой непроглядных букв. Яблоко тьмы и гула, червивое людьми катится в пропасть. (Туч) ные святые коровы втапывают косточки в чернозём. Спрятаться за подкладку дней господних, выдавив мёртвый гравий зрачков! Стройся! День в запасе!

Небо вырви Маяковский с мясом изо рта у мурки с робой тела, с рыбой, рябой бабой, накуси и замеси плоть от плоти, кровь от крови от Иуды – до Мессии заплети дощечки гроба в косы мне до Воскресенья, искупай в росе России. Пронеси мимо рук её в непослушных руках.

Пусть пока на огне черешня поспеет в зрачках. Выклевывать не давай, потом с руки покорми бессмертную птицу. Укради пернатой речью, истеки неживой водой, когда поймашь птицу в обгоревшем саду, сличи с собой.

Уйдёшь на дно лодкой и станешь пейзажем, кислородом, светом и ангелом будешь впадать как река и оживать в каждом встречном дыханием и речью.

Будешь с райских кустов состригать сухую траву слов, превращая их в голубой свет. Они расплываются и теряют любые значения. Небесные пчёлы их собирают в улей вечности на самое дно музыки.

Бери меня, глотай пустую воду. Я никогда не стану сожалеть, что всё могло сложиться по-другому. Нас недоспят. И в грусти треугольной нас до утра свет будет обнимать не больно. Просто осяду взвесью солнечной и мёдом с молоком на твой простуженный висок и буду целовать ресницы. Когда ты в безупречной тишине вдвоём – открой окно. Я буду светом в тонком стебельке и потянусь и проросту в немое слово с желанием врасти всей кровью в речь. Как тишина, припавшая к щеке потом стеку на дно травы. И будет мне иная жизнь.

2009

Долго ли падали...
Да нет – под снегом все,
мытьём ли катаньем —
будет ответ зиме,
мысли все выбелит:
в них она знает толк.
С новыми видами
с чистых начнём листов.
Я же открою тот,
где ты белым-бела,
где самый первый год
ты лишь моей была...
2010

Лист Цурэна

По мотивам братьев Стругацких «Трудно быть богом»

«Так лист увядший падает на душу»,
Кружась и... тонко источая смерть.
Уже не жжёт. Из жизни той удушья
Ушёл огонь, и вышла горлом медь.
И следом, вверх фонтаном брызнет время,
Растёртое о каменную боль.
А быть? Она была мне только – бремя
И порастёт бытьём, глотая соль...
Покой и ясность, после безмятежность
Проткнут сознания вату – лёгкий бред.
А слово-лист упав, сам будет нежность
Будить. Ему нужды в помине нет
Во мне... Как ком рассыпалась земля
На запахи и стало так легко.
Из пыли солнечной путь в новые края
Упругий воздух вяжет – высоко!
Где жизнью бездну испытаю я!
А может, по-другому... лист увядший ляжет?
2009

Любовь

Зарождалась она с зарёй
Не из зёрнышка – из грозы!
Мы стояли как вкопанные,
А упали подкошенные.

И не стало бы сказки той,
Не останься мы в ней пожить —
Были саночки лёгонькие,
А конёчки подкованные.

Полетели мы с ней в огонь
Мотыльками крылатых рук.
Только в дождь нелегко поднять
Её крылья роскошные.

Восходила когда на трон —
Наслажденья был полон круг,
И прошла она царственно —
След оставила дарственный...

По глотку, как со льдом вода.
Мы познали её тогда.
2010

«...и для меня...»

...и для меня
так сказочно наивна
упрятанная в куст
ресниц слеза,

у папоротника
в сердцевине
с утра накапливается
роса,

воздушных струй
случайные касанья,

чудесный аромат,
слепившийся бутон

закрытых уст
небесного создания...

вы этого хотели сами...

прерывисто дыхание
и, ... беззвучен стон...

2010

Венеция

Плещутся в волнах гондолы, стирая в них маски чумы.
Лижут маллюски бока умирающего дредноута.
Город плывёт к Атлантиде и с ним погружаемся мы
В новое утро.
Смерть здесь живая и кожей всей ощутимая. Мысль
Сверлит мне мозг и жужжит комаром возле уха.
Это же было всё с нами – под воду спускались и мы,
Взявшись за руки.
Вот она арка, нырнём под неё – целоваться пора!
Эй, гондольер отвернись на чуть-чуть – он не слышит.
Ладно, проехали – будет для этого случай не раз,
Мы уже – выше...

2010

В букваре найдём хорей

В букваре найдём хорей:
«мама мыла раму».
глянь в окно весна скорей
и увидишь – маму!

На ямбе я споткнусь и шишку
набью себе на лбу в лесу.
Выходит из берлоги мишка
и лето, значит, «на носу».

В дактиле так тебе хочется,
чтобы всё было возвышенно.
Осень спешит заморочиться —
листья все золотом вышила.

На снегу кто-то вывел анапестом
надпись «Саша + Маша = ...».
а зима всё засыпала начисто,
снова чисто – пиши, кому нравится!
2010

Барашки морские

Ходят рядами барашки кудрявые,
ходят и ходят по лету.
К этим барашкам пристроились рядом мы —
эти барашки – поэты!
Хочет волна прислонится к волне,
как и барашки морские.
Снится волне, что она на коне,
нам же – барашкины спины.
Сели на них мы и все мы в весне —
маю глядим прямо в душу:
дУшит, душИт нас сирень или нет?
Надо поэтов послушать.
2010

Тёмный квадрат

Хочу в Италию

...хочу в Италию —
надо же!
а моя лошадка летает,
разбежится и вспорхнёт
на пятом этаже.
кони ржут над ней —
они живут ниже,
им видней
где жить.
2010

Абсанс от абсента

Там стояла бутылка, возможно абсента.
В ней зелёные косы погибших русалок
колыхались как водоросли до момента,
пока я их не выпила. Мёртвой я стала.

Там стояла настойка неспелой рябины:
в малахитовых бусинках соки из лета.
Из нефритовых рощ в ней, туманом гонимый,
ветер был закупорен. Я выпила это.

Я всё выпила. Встала. Туманные шали
за окном повисали. Безумные свечи
как зелёные искры с абсентом смешались...
Там стояла бутылка. Ещё был не вечер.
2010

Темный квадрат окна

Темный квадрат окна – это колодца сруб,
падает в бездну страх, дна не находит – глуп.
Брошу ему ведро, ну, выплывай назад!
Глупый, ты всё равно нужен мне, что не рад?
Дай посажу на цепь, будешь хотя бы злей.
«Рад» это знаешь как? Это когда милей...
Тёмный квадрат окна, этот квадрат мне друг.
Плавает в нём луна – лампы настольной круг
и сигаретный смок, как облака в ночи,
и верным псом у ног страх на полу молчит.
Был мне и друг и враг, то, что прошло – не в счёт...
Друг это знаешь как? Он за тебя умрёт.

«круглым животом...»

круглым животом
кошка лёгkokрылая
белая луна
падает на дом
ловит мышь чердачную
палевого сна
тихо вниз планирует,
хвост серебрится —
изогнулся лирою,
как у жар-птицы.

Отпечаток тех мыслей

Отпечаток тех мыслей – какая-то малость...
Изменять не хочу я порядок мной избранный.
Отпечаток души много раз переизданный —
Всё куда-то спешим... Но немного осталось.
Вплетена наша жизнь кобылицам в хвосты,
И в небесном проёме – конец неизбежен;
В тот проём попаду я, любовью изнежен,
Степь и вольная воля... ну, сердце – остынь!
2010

Сердце в руке

Летело сердце чьё-то в спец-авто,
в сорочке и с наклейкой на бауле,
с мигалкой и сиреною, а то!
Ну, сердце же, ещё бы, среди улиц!
С утра сбежав, оно у средостенья
деревьев «лёгких» бросило гнездо-
меж рёбрами решётки с нетерпением
её знакомый дожидался док.
Покинув дом внезапно, второпях,
где был чердак с умом и, закоулок
любой его теплом наполнен так,
что даже тот малец лентяй сутулый,
который жил на нижнем этаже,
и наполнялся им когда угодно
так, что бывало, думали – ужель,
второе сердце изобрёл, негодник.
И вот теперь его никто не ждал.
Закрылись шторы и река у дома
разлилась красная напрасно, навсегда
оставлен тех пенатов смех знакомый,
застывший, как магический кристалл,
который раньше разливался ливнем.
И мотылёк последним простучал
крылом по крыше, оказавшись лишним.
Всему свой срок. Весёлое авто
везёт, родившееся навсегда в сорочке
живое сердце, значит, где-то дом
нуждается в нём, раз везут так срочно.
И застучит, запляшет, а в реке
оттает замерзающая нежность —
в реке, которая течёт в руке
из средостенья жизни – сердце есть же!
2010

«он погрузился ...»

он погрузился —
шмыгнул червяк дождевой
в ровную стенку,

а половинка
там на дне ямки лежит
бьётся в припадке.

тело его разделил,
я ненароком,
жизнь поделилась на две —
равные части...
2010

там-там

там-там ничто из ничего:
просто пустота от верха до пола.
по натянутой нежной коже бьёт
наотмашь, звучно....
голый белый живот натянут на обод,
выпуклости линия стала плоскостью.
стучит по нему, как когда-то в родах,
исполненных с ловкостью.
но, там, там – это было, было же!
такой белый бычок
ножкой стучал. так и теперь уже
что-то похожее, но немножко.
это вовнутрь извне,
как вывернутое, но тоже,
о том говорящее мне.
там-там! там-там! там-там!
ну, сколько можно?
хороший...

Вжимаюсь внутрь зовущей вновь

Вжимаюсь внутрь зовущей вновь
Двухмерной плоскости,
Дендритов удивленных бровь
Расправив росписью.
Внутри галактик черепной
Коробки брошенной —
Поэзия сплюшной отстой!
Словам там – грош цена.
Творить обман. Он здесь и там —
Застыл слюной в словах.
В рубашке из рефлексов штамп
В сетях безнравственных.
Налипшей пеленой в глаза —
Стих снова лезет внутрь,
Пытается мной обладать
Приёмом Камасутр.
Разбужен зовом белизны
Сознания спящий страх.
Исторг поэзии призыв
Немой мой вывих рта.
2008

Ветер и шаровая молния

ты – молния шаровая,
ты такая живая,
такая большая,
а я ветер,
на всём белом свете
тебя одну встретил.
через дождь и мрак,
через свой страх
несу тебя на руках,
лелея мечту свою,
от всех тебя утаю.
вихрь, смерч
не коснутся
твоих плеч.
дождь, град
не вернут тебя назад.
я тебя для себя
вылеплю!
крепко держу.
всем телом дрожу,
я тобой дорожу.
люблю, обжигаясь
леплю,
леплю!
я тебя
вылеплю!...

Солнце – блин

Черт, возьми
Да упусти,
Солнце-блин,
Что лежал
На сковородке
Один.
Хреном был
Он фарширован
Или попросту
Хреновым,
Ну, а черта
В этот раз
Попутал
Сплин.

Блин
Не в черную
Дыру,
То есть,
Не к чертову
Нутру
Покатился,
А по млечному пути,
И начинку
Подобрав,
Из нее
Кой что
Создав,
Бог сказал:
Ну, блин
Давай,
Посвети...

Вот и мучаемся мы
Той хреновиной полны.
2009

«Упало яблочко...»

Упало яблочко
Мне на тарелочку.
Ах, счастье просто жить,
Считал я мелочью.
С небесной яблони
Слетела звёздочка.
А небо я бранил —
Собаки косточка.
Когда же к осени
Теперь всё катится,
И не воротится —
Мне поздно каяться.

Коктейль ночи

Этот коктейль ночи возможность посмотреть на мир психоделически.
Давай его выпьем, построим мост из иллюзий и снов, оставим на кончике
волоса код, давича обналиченных, брошенных в пыли дум, где горькие капли
слов,

как водяные знаки на купюрах памяти, сложенных в стопку
на крахмаленной белой скатерти дня.

Они служат защитой от подделки, пока лавандово-красная заря,
не отправит их в ночи топку,

или оставит если были сказаны не зря, а значит по делу...

Заря, появляющаяся и исчезающая как кашель подъездов, пока
бес ночи лежит и лижет солнца лимонную дольку и стая псов виляют его
хвостом.

Простимся с ней, пока её ни догонят новые стихи-скакуны, ещё
не очень подкованные медными гвоздями лучей кузнечика-солнца и... потом
толпы голых красок осядут, упадут жалящими мечами безликих войн тьмы
и света. Пускай романтический звон этих старинных монет-слов

останется на какое-то время в раковинах душ, блистающих белизной,
а мы растворимся дыханием у стен вечности, примерим её оковы, вечности,
такой бесконечной, как глупость и сильной, сильнее всех стихий.

Догони нас и благослови, нанижи, как бисер молчание на уста

отбери из вышитых кровью ладоней уцелевшие бабочки-стихи,
нанизанные на электрические провода строк натянутого солнечного листа.

А пока пускай ведут свой разговор часы с шуршанием
шёлковых штор и скрипом дверцы шкафа, а в пролётах музыкой постоит
молчание. А потом... хруст за окном льда замёрзшей лужи под каблуком,
разогревающего мотор дня утра, которое ветошью рассвета протрёт дерматин
отчаянного скупого ума и укусы комара-луча света, проткнут грубые
подошвы сна. Ночь оуклится, и бабочка дня вылетит на волю, и мы за ней
побежим, встанем на белые и чёрные клавиши рояля и доиграем до конца этот
иссушенный огрызок пьесы под названием жизнь.

Сад не растёт без рук

Сад не растёт без рук,
или растёт как лес он,
и не согнётся бук
как подлокотник кресел.
От тетевы стрела
не улетит за белкой,
не обогнёт овал
тень вокруг палки стрелкой.
Домом не будет дом,
если в нём смех не слышен.
Будет огонь костром,

если над ним нет крыши.
Если огонь – очаг
сердце разжёт пожаром,
если полюбишь так —
значит ты жил не даром.
Солнце не любит штор,
дом любит смех и пенье
свечи не ставят в торт,
если нет дня рожденья.
Хочется понимать —
признаки жизни это.
Будет последним кровать,
ну, после пистолета...
2010

«Вон за той полоской белой...»

Вон за той полоской белой,
что навеяли метели,
вон за той полоской тонкой,
где тумана только плёнка,
и за той, такой же нежной,
где проклюнулся подснежник,
или даже за зелёной,
где в тебя ещё влюблённый
и за той ржаной и спелой...
точно, я сказал за белой
той полоской полежу.
Полосатая жизнь – жуть!
2010

Пять лепестков счастья

пять лепестков счастья

цвет грусти – это небо
лежит на дне коробочки,
как бархатная тряпочка
и нет её синей,
коробочку не следует
показывать дюймовочке —
там золотая цепочка
и листики на ней...

дюймовочкино лето
так коротко, как платице
и радость она спрятала
в кувшинке на пруду,
я попрошу у света —
он со цветами знается,
все лепесточки пять её
откроются – я жду.
2010

Это просто, видит Бог

Страх исчез в её глазах,
только запах терпкий острый.
Это просто очень просто —
не смотреть теперь назад.

Видеть тот незримый сад,
В нём цветов земную россыпь.
Это просто очень просто
взять себе самой сказать:

Пусть одна теперь одна,
запах новой жизни манит,
пусть в начале как в тумане,
но запела тишина.

Зазвенели голоса
хором ангелов призывным.
Улететь туда, не сгинув,
а увидеть небеса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.